

18+

Иван Державин

Ортодокс,

или

еще не вечер

Иван Державин

Ортодокс, или еще не вечер

«Издательские решения»

Державин И. В.

Ортодокс, или еще не вечер / И. В. Державин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519819-8

Повесть «Ортодокс, или еще не вечер» — продолжение повести «Ортодокс и запретная любовь дочери премьера». Вернувшись из Донецка, Андрей зажил счастливой семейной жизнью. Он по-прежнему критикует руководство страны. Недовольство его критикой выражает Премьеру Президент. Волков мучительно думает, как избавиться от зятя. Убийство Валеры с семьей нарушает спокойную жизнь Андрея. Отомстив за друга, он тут же вынужден защищать себя и свою семью, включая тещу, от попытки такого же убийства. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-519819-8

© Державин И. В.
© Издательские решения

Содержание

Ортодокс,	6
или	7
еще не вечер	8
Часть первая	9
Глава вторая	16
Глава третья	22
Глава четвертая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ортодокс, или еще не вечер

Иван Васильевич Державин

© Иван Васильевич Державин, 2020

ISBN 978-5-0051-9819-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ортодокс,

ИЛИ

еще не вечер

Повесть

**(Продолжение повести «Ортодокс, или
запретная любовь дочери премьера»)**

**Рану, нанесенную родине, каждый
каждый из нас ощущает в глубине сердца.**

В. Гюго

**Чем выше залезает обезьяна,
тем лучше видна ее задница.**

Д. Рамсфелд

Часть первая

Глава первая

После возвращения из Донецка у Андрея не было ни дня свободного времени. Из парня он превратился в мужа и хозяина. Прежде всего, он начал с платежей за коммунальные услуги. Чтобы вникнуть в это дело, он просмотрел дедову папку со всеми платежами за несколько лет, из которых сделал вывод, что все ошибки были только в платежках, выставляемых бухгалтером правления их ЖСК, причем обязательно в сторону увеличения. Лишь за один четырехлетний давности год таких платежей с ошибками было пять на общую увеличенную сумму на четыре с половиной тысячи рублей. Андрей помнил, как дед тогда возмущался, пересказывая называемую бухгалтером причину ошибок: то сбой в компьютере, то вину программиста, то просто опisku. В последние годы ошибки уменьшились до одной – двух в год и лишь до 160 – 180 рублей, как обычно, в сторону завышения. Видно, бухгалтер поняла, что имеет дело с грамотным хозяином. Нашел Андрей увеличение и за один месяц после смерти деда, незамеченное матерью и оплаченное. Он показал ей. Она удивилась; «Надо же! А я и не смотрела, оплатила, сколько там было написано». Дождавшись новой платежки, он в установленные часы приема бухгалтером пошел в правление и, пока дождался своей очереди, поинтересовался у сидевшей рядом старушки, проверяет ли она указанные в платежках суммы. Она покачала седой головой: «Никогда. Сколько написано, столько и плачу». «Ну и зря», – только и сказал он, подумав: «Никак не избавятся от советской веры власти».

Бухгалтер, молодая миловидная женщина, внимательно выслушала его, молча повернулась к компьютеру и через две минуты, изучающе оглядев его, протянула новую платежку за вычетом переплаты. Он хотел спросить, кто был виноват тогда, но решил сделать это при очередном обмане.

Он не знал, что бухгалтер, глядя на закрытую им дверь, сказала председателю правления: – Такой же урод, как и его дед.

В связи с платежами за квартиру встал вопрос о прописке в ней Кати. Андрей и Полина были за, Любовь Петровна категорически против. Решили заморозить этот вопрос до рождения ребенка.

Им край как нужна была машина, так как беременной Кате с каждым месяцем труднее было ездить в университет на двух автобусах. Андрей сразу стал копить на машину, но в лучшем случае мог купить ее года через два, тем более что Полина перестала подрабатывать, чтобы ухаживать за Катей. Андрей знал о том, что Любовь Петровна помогает Кате деньгами, но в расчет их не брал.

Неожиданно их выручил Валера. В начале года он купил по бросовой цене после страшной аварии джип Пэйджеро Мицубиси и вечерами в своем автосервисе, куда он вернулся после Донецка, отремонтировал его, доведя до блеска. Свой отретушированный Логан он уговорил Андрея взять себе, чем очень обрадовал Катю, скучавшую по своей машине, так и не отданной ей отцом. Любовь Петровна передала ей частями денег, хвативших на машину, но они всякий раз уходили на другие нужды, на которые одной зарплаты Андрея, не считая Катиной стипендии, не хватало.

Машина Валеры появилась у них в самый нужный момент, избавив Катю от поездок в институт в метро, где утром было не протолкнуться, и ездить с животом было опасно. Несколько раз она ездила в институт на машине одна, затем ее за рулем решительно сменила имевшая права Полина. Иногда утром, когда у Кати выпадало окно, Полина подвозила на работу сына, но машину вел он сам, обучая ее, имеющую малый опыт вождения. Так что

машина без дела у них не простаивала. Андрей почти сразу вернул Валере взятый у него долг на похороны деда и попытался заплатить за Логан, но вызвал у того лишь смех.

Но главной его проблемой был институт, куда он хотел восстановиться на третий курс, с которого был отчислен за участие в митинге седьмого ноября с самодельным плакатом «Вернуть народу награбленное!», где его задержала полиция, направив в институт соответствующее письмо с прикрашенным описанием его сопротивления при задержании. В виде исключения, учитывая хорошую репутацию института, полиция решила не направлять дело Андрея в суд, а передать его на решение руководства института. В ректорате он уже числился политически неблагонадежным студентом за восхваление советского строя и критику действующего капиталистического и был отчислен с третьего курса как раз к осеннему набору в армии.

Надежды на восстановление у Андрея почти не было, и он все откладывал поездку в институт. Для начала месяца через два после Донецка он попросил знакомого однокурсника разузнать, с чего начать восстановление, но не на дневное, а на заочное отделение. К своему удивлению и удовлетворению, он узнал, что его университета печати имени Федорова уже нет, он вошел в Московский Политех под видом Высшей школы печати и медиаиндустрии. Узнав, что на их факультете другой декан и понадеявшись, что в заочном отделении могли не знать, за что его исключили, Андрей съездил туда и правильно сделал. При осмотре его документов не было никаких вопросов, а после ознакомления с благодарственной грамотой от Министерства обороны, в том числе за работу в стенной печати, и с его рассказом в газете, даже заинтересовались, почему он идет на платное заочное отделение, а не на бюджетное очное, на что он ответил, что уже работает в издательстве, чем окончательно покорила декана, пожилого очкарика. Речь шла о зачислении его на третий курс, естественно, лишь с нового учебного года, и велели прийти со всеми документами в начале августа.

Логан Валеры оказался бесценным и для дачных дел, где машина, как известно, – первый помощник. Имея ее, Андрей дождался нормальной апрельской субботы и поехал на дачу, где не был около двух лет. До этого он ездил туда отдыхать, лишь изредка что-то делал, вернее, помогал что-то делать деду и матери. Все, в чем он нуждался, там было: речка, пруд, грибной лес, интернет и телевидение. Единственное, чего не хватало, – его сверстников, так как в середине девяностых годов рожали совсем мало, во всяком случае, в их садовом товариществе парней и девушек его возраста вообще не было. Но на этот раз он ехал туда на правах отца и хозяина с вполне определенной целью: подготовить дачу для жены и будущего ребенка. Он бы отдал многое, чтобы хозяином оставался дед. Но, как говорит Валерина мать, «Жизнь есть жизнь и остается ею». Что она имеет в виду, Андрей не знал, но полагал, что жизнь продолжается в любой ситуации. У деда была своя жизнь, послевоенная, начинающаяся материально с нуля, все он создал и приобрел сам: при безграмотной матери стал высоко образованным, купил квартиру, построил эту дачу. Андрею в этом смысле легче, он просто примет все готовое. Своей задачей он считал разумное совершенствование дедова наследства с учетом изменившейся ситуации в стране и в личной жизни, а конкретнее, для более удобного проживания на даче жены и ребенка. Да какой жены! Привыкшей к роскошным хоромам, хотя он уже давно отбросил, что она дочь премьер – министра, для него она была обычной женой, которая должна довольствоваться тем, что он ей может дать, и она это знала и ни разу не выразила ни единого слова недовольства новой для нее жизнью, так как понимала, что это может кончиться потерей его. В Москве, считал он, Катя имеет все удобства для нормальной жизни, если что-то не так или чего-то нет, об этом никто из соседей может и не знать. Дача – немного другое дело, там она на виду, даже если окружена забором.

Участок в 6 соток в Подмоскowie дед получил от министерства в начале восьмидесятых и поставил на нем стандартный по тем временам дачный дом в 36 квадратных метров с мансардой и отдельно кухню с хозблоком чуть меньшего размера. Все внутренние и наружные работы он делал сам с женой. Когда кто-то предложил ему обить дом и кухню вагонкой, дед поинтересовался: «Ты мужик? – и получив утвердительный ответ, сказал гордо, – Я тоже мужик, а не хрен собачий». Внешне дом получился на загляденье. На этом дед не остановился и, увеличив хозблочную часть кухни, превратил ее в финскую сауну, полюбившуюся ему в Финляндии, где без нее, как правило, не обходятся переговоры. Сауна также получилась у деда, что надо, вот только в первый же вечер он сжег ее, закрыв задвижку по русскому обычаю сразу после исчезновения огня в печи, не учел, что камни долго остывают, продолжая выделять тепло. От взрыва трубу отбросило метра на четыре. Новую кухню дед построил полностью сам по образцу канадской с окошком выдачи, а вместо сауны соорудил электрический душ. Блок отлично дополнил дом по красоте. Но наступили рыночные времена с разнообразным строительным материалом, началось резкое расслоение общества, богатые стали заменять стандартные дачные дома на новые или их перестраивать до неузнаваемости, дачи бедных старились вместе с хозяевами, распродавались после их смерти, давая возможность скупать участки пачками для строительства коттеджей. Дед тоже мог бы обновить дом, но и тут проявил оригинальность, оставив его в неприкосновенности, как он говорил, в качестве советского раритета. Позже он узнал, что, кроме него, в их садовом товариществе один хозяин умудрился спрятать свой старый дом вместе с трубой внутри современной оболочки коттеджа, чтобы люди не подумали, что он бедный. По мнению деда, это не раритетник, а просто дурак, хотя и полковник. Пожалуй, дом деда был чуть ли не единственным сохранившимся в первозданном виде без существенных изменений, не считая заброшенных после смерти хозяев. Но, если Андрей хоть как-то понимал деда, то Катя после дворцов отца могла и не понять, хотя и не подает вида. Да и Любовь Петровна обязательно захочет приехать сюда – тоже проблема.

За участок Андрей не беспокоился: его хоть сейчас на выставку. Им раньше занималась бабушка, а затем Полина, тоже не чаявшая, души в даче и доводя участок до восхищения соседями, усеивая его цветами и ягодными кустами. Росли на участке и яблони, и морковь с укропом на крохотной грядке. Из построек любимым местом бабушки и Полины была кухня, в доме они лишь ночевали. Если бы Андрею предложили заменить дедову дачу на прекрасный дармовый коттедж с бассейном, сопоставимый с тем, что имеет премьер, он бы, не задумываясь, отказался потому, что коттедж был бы для него чужим, а дедова дача – родная, часть его жизни, и, если бы он не женился и не ожидал ребенка, у него не было даже мысли не довольствоваться ею в нынешнем виде и что-либо в ней менять, разве что для удобства.

Подъезжая к своему участку и не узнавая дома соседей за высокими сплошными заборами, Андрей на какое-то мгновение даже подумал, что свернул не в тот ряд. Наконец, поверх забора показался верх знакомой шиферной крыши с кирпичной трубой на кровельном листе и затем за низкой сетчатой зеленой оградой, еще не скрытой густыми кустарниками, появился дом деда, показавшийся Андрею маленьким и немного невзрачным, особенно бросался в глаза потемневший шифер. Он невольно оглядел крыши окружающих домов и, остановившись на коричневой с красноватым оттенком, как стены дома, подумал, что надо бы сделать замену кровли. Войдя во двор, он придиричиво оглядел его и, представив дом с черепицей, проговорил вслух с улыбкой:

– Нет, наш дом и такой лучше всех. Но подсовременить его, конечно, надо.

Проблемы с заменой крыши не возникло, а даже была конкуренция среди таджиков. Один из них, самый пожилой и знавший деда, пообещал накрыть крышу к субботе за более низкую плату. Боря, так звали таджика, замерил шагами габариты крыши с террасой, и поехал

с Андреем в строительный магазин, где они отобрали нужную кровлю, но у Андрея не хватило денег. Боря, которого в магазине хорошо знали, договорился с кассиром об оплате своими деньгами завтра утром. Он также посоветовал купить на печную трубу зонт. Обрадованный Андрей выбрал зонт с флюгером в виде петуха и начал прикидывать, за сколько заездов перевезет кровлю на дачу, но тут подошел Боря и сказал, что все он доставит утром попутно с другой покупкой.

В дороге из магазина Андрей поинтересовался у Бори, как таджики относятся к распаду СССР. Всегда улыбчивое лицо Бори стало хмурым.

– Раньше мы были равные, как вы, люди, а сейчас как нищие. Что у вас заработаем, тем и живем. – Вдруг он опять заулыбался. – Мы с Сергеем Васильевичем много говорили. Он был умный. И сам все делал. Говорил, что он мужик.

Помимо замены крыши Андрей наметил еще несколько на его взгляд улучшений, но почти все надо было обговорить с матерью или с Катей.

Следующие разы он ездил с матерью. В первый ее приезд про крышу он не предупредил и с интересом наблюдал за ее реакцией. Но увидев дом с новой крышей, он забыл о матери – настолько был восхищен изменившимся домом. В себя его привела мать:

– Это ты сделал? Когда успел?

– Тебе нравится?

– Что ты, очень красиво, а с флюгером вообще бесподобно. Я как-то просила папу заменить крышу, он сказал, пусть останется, как раритет. Но думаю, просто не было денег, и, увидев сейчас такую красоту, тоже был бы доволен. А может, и нет, сказал бы, что дом стал не наш, а как все. И мне так кажется.

Андрей представил дом со старой крышей. «Они правы. Надо было просто покрасить шифер, а то дом чем-то напоминает простолоудина в боярской шляпе с пером.

– Видно, всему свое время, – продолжила мать. – Для нас хорошо было одно, для вас другое. Если захотите, можете обить стены пластиком. Не примерял сколько стоит?

– Не примерял и не буду. С древесной вагонкой дом выглядит живым к тому же он дышит.

– И я так думаю, я его кое-где подкрашу. Такая краска у меня осталась.

Узнав, что приехала мать, с Андреем пришел Боря, но не с пустыми руками, а привез полную тачку оставшейся от хозяев на выброс красивой ограды для клумб. Он же заказал для них машину с песком. Андрей помог матери создать грядку для ягод, а когда приехала машина с песком, до отъезда домой перевозил его в отведенное для него место.

Они хотели взять с собой и Катю в майские праздники, но было еще прохладно для нее на шестом месяце беременности, да и надо было там кое-что доделать. В двадцатых числах мая стало совсем тепло, и они отвезли ее сразу на все лето с учетом ожидаемых родов в середине августа.

Им было интересно, как она воспримет их дачу. Ее она видела на фотографиях в смартфоне, на фоне цветов и за усыпанными яблоками яблонями дом выглядел чуть ли ни сказочным теремом, а в натуре по сравнению с отцовыми дворцами мог показаться ей собачьей конурой.

Андрей взял три дня отгула. Чтобы избежать пробок и облегчить для Кати поездку на сто километров от дома до дачи, они выехали пораньше. Дорогу скрашивал Филька, догадавшийся, куда едут, и метавшийся от боковых окон к заднему. В дороге один раз Катя, указав на дом у дороги, сказала:

– По-моему, он похож на нашу дачу.

И действительно, видневшийся за деревьями дом оказался одной серии с их дачным домом. Такие типовые дома предлагались дачникам в те годы. Не догадываясь, Катя своим

вопросом облегчила знакомство ее с дачей. Его Андрей начал с реки и пруда. Река вынырнула из кустов в километре от их дачи и сопровождала вдоль дороги до садового товарищества, свернув к нему. Остановив машину, Андрей сказал:

– Вот мы и приехали. Реку ты видишь, пойдем, покажу тебе пруд.

Первым выскочил из машины Филька и с радостным лаем стал тянуть поводок из рук Кати к знакомой тропинке в кустарнике в противоположной стороне от реки. Полина тоже вышла из машины и сказала, что дальше дойдет пешком.

Сразу за кустарником появился травяной и песочный пляж, а далее простиралась водная гладь шириной метров двести и без видимого берега впереди. Шел десятый час, по телевизору обещали плюс двадцать пять, что было похоже на правду, на пляже уже было немало загоравших, но купались лишь двое. Фильку это не остановило, и он сходу вбежал в воду по самый живот. Обернувшись, он виновато посмотрел на Катю и Андрея и попятился назад, рассмешив их. Катя взяла его на руки и прижала к себе. По дороге к машине Андрей рассказал, что пруд раньше был меньше, неглубокий, местами заросший, больше любимым местом для рыбаков, чем для купания, – им была река. В девяностые доступ к пруду перекрыли, нагнали техники, людям сказали, что пруд будут очищать и углублять. Лет пять со дна пруда день и ночь вывозили на продажу песок, лишив дачников покоя стуком и гулом, пока, наконец, этот бизнес не прикрыли, а новоявленный миллиардер не скрылся за границей. Но пруд действительно стал лучше, только купаться в нем стало местами опасно из-за глубины, доходящей до пятнадцати метров, и исчезла рыба.

Когда они на территории садового товарищества проехали ворота с красивой надписью «Березка» и повернули в их ряд, Катя, увидев крышу их дома, опять сказала:

– Как наш дом, только крыша другая и с петухом. Подумаешь, и мы такого же можем поставить на трубу.

А когда Андрей остановился, она так обрадовалась, что это их дом, что он даже подумал, уж не играет ли она, но эта мысль напрочь исчезла, когда она вслед за умчавшимся с громким лаем во двор Филькой осторожно вошла в калитку и с открытым ртом стала разглядывать все вокруг. Любопытство на ее лице перешло в восторг при виде ухоженной, всей в зелени и цветах территории. Жаль, что Полина не видела ее лицо при этом.

Увидев спешившую ей навстречу Полину, Катя сама вздохнула и стала делиться увиденным:

– Полина Сергеевна, у меня нет слов. Я вам честно признаюсь, я думала шесть соток это так мало и боялась, что негде будет поместить песочницу, надувной бассейн, да и побегать ребенку по траве, а тут столько еще свободного места не только для одного ребенка, но и для троих хватит, просто удивительно. А сколько здесь деревьев, кустарников, цветов! Это и есть шесть соток?

– Шесть, как и у всех в советское время.

– А сколько же тогда гектар?

Полина задумалась и спросила проходившего мимо Андрея с сумками:

– Сынок, гектар – это сто на сто метров?

– А зачем это тебе?

– Это я поинтересовалась, намного ли этот наш участок меньше гектара, – пояснила Катя. – Про сотки я только у вас узнала, а у нас слышала только про гектары и не шесть, а десятки и сотни.

Андрей внимательно и чуть ли не сердито посмотрел на нее, хотел спросить: – Тебе шесть соток мало? – но, встретив ее чистый взгляд, ответил:

– В одном гектаре семнадцать наших участков.

Катя была поражена, а Полина ужаснулась:

– Господи, я с одного участка к вечеру не чувствую рук и ног. Нам давай еще один даром, я ни за что не соглашусь.

– Для этого есть наемные рабочие, – сказал Андрей. – Мама, не заводи меня политикой. Лучше покажи Кате кухню и разгрузи себя работой. Для этого я на ней и женился.

– Это от нее не уйдет. А сейчас ее нельзя особо загружать. Но дело и ей найдется. Пойдем, Катюнь, покажу наше с тобой рабочее место.

Вопрос адаптации Кати к даче она закрыла сама во время обеда. Когда они выпили за начало дачного сезона, захмелевший Андрей открыл рот, чтобы спросить у Кати, как ей показалась после хоромов отца их дача, как она сама об этом заговорила:

– Вы думаете, я не видела, как вы переживали, понравится мне наша дача по сравнению с усадьбами и дворцами отца или нет? Я отвечу. По фотографиям я уже имела представление об участке и доме, но то, что я увидела, превзошло все мои ожидания. Это лучше, чем я хотела. И гамак, и спортивный уголок, и чудо беседка и душ. Про кухню я не говорю – она бесподобна. С хоромами отца я даже сравнивать не хочу. Там я была не дома, а гостила, и все там для меня было, как музейные экспонаты. Полюбовалась и прошла мимо. А тут совсем другое дело, это все мое, и никто у меня не отнимет. Вы представляете, там даже туалеты позолочены. Но об этом никто не должен знать, кроме сантехников. Я думаю, под страхом смерти. Поэтому там все время витает страх, что все там временно и все можно потерять в любой момент: народ взбунтуется, с Президентом случится непоправимое, а то и умрет, а самое вероятное, снимут папу с работы, и тогда конец всему. Ведь почему он так не любит Андреюку? Потому что он против нынешнего строя, за социальную справедливость, а значит, хочет лишиться папу всего, что он имеет: власть и богатство. Вот почему я не могла пригласить туда даже Дашу, так как папа боялся, что она кому-нибудь расскажет, а мне нельзя было там фотографировать. Разве это дом? Хуже, чем в тюрьме, где, насколько я знаю по фильмам, разрешалось иметь друзей, А про мою жизнь никто и ничего не должен знать. Я, например, абсолютно не завидую новой жене Президента. Даже мы с мамой не знаем, кто она.

– Ну ты и политик, – только и вымолвил заслушавшийся Андрей.

– Как говорится, с кем поведешься, от того и наберешься, – улыбнулась Катя. – Дедушкину хронику постсоветских времен я всю прочитала, что к чему, имею представление. Вот жду, будет революция или нет. Но, к радости отца, думаю, ее не будет, а у меня отнимать ей нечего, в том числе и эту дачу, – улыбка озарила Катино лицо. – Не знаю, что чувствует новая жена Президента, а я здесь у себя дома и хочу что-то здесь сделать, правда пока еще не придумала, что, а там никогда даже мысли такой не было. А зачем? Там все за тебя делают другие, только плати. А здесь все сделано своими руками, и даже не верится, что все это построил дедушка с тремя высшими образованиями, тремя языками и столько книг написал. Это в тысячу раз ценнее, чем купленное за миллионы.

– Мама тоже много труда здесь вложила, – сказала Полина. – Как папа говорил, у нее был инженерный склад ума. Это она придумала, где и как расположить дом, кухню, беседку, дорожку, клумбы. А папа был строителем, жаловался, что она заставляла переделывать, а потом соглашался, что так лучше. Катюнь, я очень рада, что тебе здесь понравилось. Вот за это мы с Андрюшей и выпьем.

Катя тоже пригубила.

– У нас в институте у девчонок в ходу поговорка «С милым рай и в шалаше, если милый атташе». Увидев у меня кольцо, они замучили вопросами, кто он, кем работает, как выглядит, на сколько лет старше. Все были уверены, что он какой-нибудь крупный работник МИДа или олигарх. Я все рассказала, как есть: старше на три года, работает в книжном издательстве, умный, сильный, самый красивый, в подтверждение чего показала фотографию. У них не было слов от зависти, забыли атташе. А если бы еще увидели и этот шалаш, не знаю, что с ними было бы. Я уже имею здесь все, что надо для счастья, о котором девчонки лишь мечтают. –

Она вдруг помрачнела. – А с мамой как быть? Она обязательно захочет приехать сюда. Ее же могут здесь узнать. Ей, что, гримироваться? Хорошо, что от боковых соседей есть заборы.

– Я думал об этом, – сказал Андрей. – Спереди можно поставить глухой забор, а сзади трудно будет объяснить соседке. Она преподавала в университете и наверняка узнает если не тебя, то Любовь Петровну. Вот проблема. Я совсем не думал об этом, беря тебя в жены.

– Уже жалеешь? Тогда поедem в Рублевку, а то и в Брянск, там у отца целое поместье. Можем и на юг. Только я отсюда никуда не поеду. Это здесь мое место до конца жизни, если ты, конечно, меня и ребеночка не бросишь.

– Хватит вам дурака валять, – рассердилась Полина. – Чтобы я больше от вас не слышала эти глупости: не думал, бросишь. Папа с мамой прожили почти пятьдесят лет в любви и согласии, и мы с Лешей никогда не думали о разводе, вы тоже выбросьте это из головы. И вот что. Никакие заборы спереди и сзади ставить не нужно. Никому здесь до других нет дела.

Все лето до рождения ребенка Андрей на выходные ездил на дачу, выезжая в пятницу после работы и возвращаясь вечером в воскресенье. Продукты ему не заказывали, так как в местных магазинах они были те же, а на рынке намного лучше, чем в Москве, правда, дороже. Ездили за ними на машине, закупали сразу на неделю, в том числе и ему.

Чем ему нравилась его работа – это тем, что не в ущерб ей он мог заниматься и своим личным делом, имея в виду работу со своими каналами в компьютере.

У него никогда не было столько свободного времени, а, следовательно, и возможности заниматься собой. Способствовала этому и его работа, которую он мог брать на дом, чтобы не отвлекали и не терять время на дорогу. Соответственно, когда была послабка по редакции, он мог и в издательстве заниматься своими личными делами в компьютере. У него было несколько десятков близких по духу каналов и несколько тысяч подписчиков. Сохранив электронную почту деда, он продолжал активно работать с ней, набираясь опыта общения в интернете. Для большинства блогеров, для которых важным было содержание, а не личность автора, он сохранил имя деда. Тем, с кем дед вел личную переписку, он сообщил о его смерти, получив в ответ, как правило, соболезнование. Но были и радостные отзывы типа «давно пора» и даже «собаке собачья смерть». Таким Андрей пообещал при встрече раскрасить морду и был занесен в черный список.

Наверняка в таком же духе порадовался смертью деда и Волков, которого тот клеймил, как только овладел компьютером, а было это в начале назначения того президентом. И продолжал клеймить до самой смерти, считая его главным врагом народа России. Продолжить критику его в таком же духе в интернете Андрей посчитал не столь необходимым, так как все выложил ему тогда при встрече, кроме него было много других субъектов, например, лидер компартии Зюганов и Президент.

Периодически он заглядывал на дедовы страницы в Самиздате и других издательствах, в том числе обнаруженных им самим, о которых дед не имел представления, и радовался растущему числу читателей, перевалившему суммарно за тридцать тысяч, даже без учета самых первых читателей в Прозе ру, откуда деда вышвырнули за содержание, запрещенное законодательством, что Андрей, как и дед, увязывал с цензурой. Но предложения по изданию дедовых повестей продолжали приходить, и постепенно стали окупаться потраченные Андреем деньги на издание двадцати экземпляров, быстро разошедшихся среди знакомых и избранных политиков. Следующий заказ он намеревался сделать для распространения книг деда в районных библиотеках.

Помимо работы на компьютере он в обязательном порядке выделял время для чтения классиков русской литературы, начав с восемнадцатого века и не переставая поражаться, как

быстро совершенствовался от писателя к писателю русский язык. Почти всех их он читал раньше или слышал о них от деда, но на этот раз он их изучал.

Попробовал он читать в подлиннике труды Ленина и Сталина. От деда остался толстенный том их избранных произведений. Издан том был в 1935 году, когда родился дед, был в хорошем состоянии, с фотографиями обоих авторов, по четыреста страниц трудов каждого. Открывался том статьями и выступлениями Сталина о Ленине. И это сделано было правильно, потому что у Сталина был язык ближе к разговорному и читался легче, а главное, очень прояснил Андрею образ Ленина. За три месяца Андрей одолел треть тома, приобретя солидное представление о деятельности обоих вождей и утвердившись в их гениальности. Во всяком случае, сравнивать с ними нынешних руководителей России мог. К примеру, Волков с его «отлитыми в гранит» цитатами типа «Свобода лучше, чем несвобода» вообще не поддавался сравнению с ними, разве что, как мошка, со слонем. С Президентом было посложнее, с учетом его внешней политики, достижений в преобразовании армии и вкалывания «рабом на галерах». Поэтому ему Андрей уменьшил разницу с работягой слонем, представив курицей – несущей, без учета, кому в основном достаются яйца, а с учетом этого уменьшил бы курицу до мыши.

Чтение советских вождей окончательно укрепило в Андрее уверенность, возникшее у него после чтения книг деда, в необходимости возврата в Россию социализма с учетом достижений и промахов в его строительстве в СССР. Чтобы не действовать на нервы видевших в социализме лишь одни недостатки, Андрей назвал бы будущее общество для России обновленным социализмом. А вот, как это осуществить в нынешней капиталолигархической России, он не знал и стал внимательно изучать мнение политиков на эту тему. К его удивлению, о необходимости возврата страны к социализму говорили в основном простые граждане, но не сами коммунисты и ее председатель Зюганов. Верный своей теории «Россия исчерпала свой лимит на революции», озвученной в 1992 году, Зюганов превратил компартию в беззубую оппозиционную коалицию в Госдуме. За все это время он ни разу ультимативно не поставил вопрос о возврате народу нагло отобранных природных богатств и фабрик и заводов, построенных потом и кровью наших дедов и отцов, не говоря о замене нынешнего антинародного режима на социально справедливый строй, идеалом которого является социализм и, в конечном счете, коммунизм. Максимум, на что он осмеливался, и то лишь в последнее время, это требование национализации сырьевой базы и ключевых отраслей экономики, но об этом, помимо него, уже давно лаяла каждая собака. Если кратко, Зюганов мечтал, чтобы правители России, наконец, услышали его предложения и сами добровольно воплотили их в жизнь. Поэтому вполне объяснимо, что за годы руководства компартией Зюгановым ее ряды покинуло две трети первоначального состава 1992 года опустившись ниже прихлебательной «Справедливой России» и ЛДПР шутоломного Жириновского.

Андрей стал ловить себя на мысли, надо ли было ему вступать в такую партию. Но тут словами Александра Сергеевича у него, вернее у Кати, наступил срок родин.

Глава вторая

В Москву все вернулись к годовщине знакомства Андрея с Катей и похорон дедушки. Но в основном из-за приближавшихся родов. По всем параметрам Катя должна была родить во второй половине августа. Никаких отклонений у нее не было, чувствовала она себя хорошо, и ее не отговаривали от поездки на кладбище в годовщину смерти Сергея Васильевича, видя, как она этого хочет, чтобы сказать ему спасибо за то, что он познакомил ее с Андреем в тот самый день. Повез их: Андрея, Полину, Катю и Дашу, – Валера на Пэйджеро Мицубиси.

На кладбище они помянули покойного по русскому обычаю, выпив и оставив на могиле граненый стакан с водкой, куском черного хлеба и конфетами, а также рассыпав для птиц пшено.

Оставаться на этот раз с дедом наедине Андрей не стал, так как часто посещал его, и тот о нем знал все: о женитьбе, о поездке в Донецк, об издании всех его книг в двадцати экземплярах и о вступлении кандидатом в компартию.

На памятнике для жены дед предусмотрел место для своей фотографии. Намечая контуры для нее, Андрей подумал, что для него самого придется ставить новый памятник или крест. У матери есть место рядом с мужем на военном кладбище, а ему самое дело лечь здесь, но тут одного его желания может быть недостаточно. Да и не его это будет заботой.

Учитывая беременность жен, задерживаться у могилы не стали. Валера ушел чуть раньше, чтобы подогнать машину со стоянки к выходу, а Андрей остался и бережно повел Катю и Дашу, идя посередине, Полина шла чуть сзади. Выйдя из ворот, джипа они почему-то не увидели. Почувствовав неладное, Андрей передал будущих матерей в руки матери и поспешил на стоянку. Едва он завернул за угол магазина похоронных принадлежностей, как увидел Валеру возле джипа, отбивавшегося от двоих бородатых кавказцев, скорее всего угонщиков, третий лежал у открытой двери водителя. Видно, Валера застал их, когда они уже открыли дверь, мелькнуло у Андрея, и он вихрем помчался на помощь другу, успев заметить в руке одного из бандитов сверкнувший на солнце нож. Отбивался Валера ногами и одной правой рукой, не подпуская бандитов к лежавшему напарнику и к двери. Левая рука его была прижата, как протез, к боку, футболка у плеча была в крови. Отбивался он, скорее всего, из последних сил, наверняка надеясь на помощь Андрея. Кладбище считалось закрытым, хоронили на нем редко, машин на стоянке было мало.

– Валера, я здесь! – громко крикнул Андрей, чтобы подбодрить друга и отвлечь от него бандитов.

Так и получилось. Оба бандита повернулись к Андрею. Однако Валера вместо того, чтобы быстро сесть в машину, бросился к ближайшему бандиту без ножа и, сбив его с ног, стал добивать правой рукой, метясь в голову. Локтем надо, я же тебя, блин, учил, рассердился Андрей, но увидев метнувшегося к Валере бандита с ножом, испуганно заорал:

– Валера, берегись!

Однако спасла Валеру подлетевшая на скорости к заднему джипу «семерка». Валера отпрянул к джипу, замахал Андреем рукой, чтобы он не приближался, пояснив криком «Стой! Я сейчас!», и исчез в кабине. Андрей застыл на месте в трех метрах от бандита с ножом, не спуская глаз с джипа: его беспокоила рана Валеры. Но тот опять вместо того, чтобы поехать вперед, рванул назад, отбросив далеко «семерку» и лишив ее напрочь тормозов, объехал лежавшего бандита и опять пытавшегося подняться недобитого второго и направил джип на бандита с ножом. Поравнявшись с Андреем, Валера притормозил и крикнул в открытое окно, чтобы он сел в заднюю дверь, однако Андрей, услышав два подряд выстрела, обогнул машину сзади и с ходу налетел на водителя «семерки», выбив пистолет из его руки. Двумя ударами ног он в прыжке уложил бандита, для надежности отрубив локтем, поднял за конец дула пистолет, завернул его в носовой платок, сунул в карман, затем утихомирил недобитого Валерой бандита, поднял нож у лежавшего бандита и побежал за убежавшим последним бандитом. Тот, наверное, был чемпионом Закавказья на стометровке, и Андрей сдался. На подъехавшем Валерином джипе он увидел на заднем и переднем стеклах две дырки. На переднем стекле они были как раз на уровне головы Валеры. Андрей, отметив, что бандит был неплохим стрелком, мысленно поблагодарил Бога за то, что он заставил друга высунуться из окна в момент выстрелов, и хотел сказать Валере, чтобы и он поблагодарил, но тот вдруг крикнул каким-то не своим голосом:

– Быстро садись! Наши рожают!

Вскочившему на подножку перепуганному Андрею Валера пояснил, что прибежавший на выстрелы хозяин припаркованной невдалеке машины, оказавшийся адвокатом, рассказал, что две беременные девушки увидели драку и схватились за животы, а услышав выстрелы, громко стали звать мам. Хорошо, что мать одной из них оказалась рядом. Это он имел в виду Полину. Услышав, что это их жены, адвокат пообещал вызвать полицию и посторожить бандитов, а им велел поспешить к женам, но хотя бы одному из них дождаться полиции. Тут Валера вдруг остановил машину и проговорил растерянно, указывая глазами на рану:

– Он не велел мне показываться им с кровью. Что делать?

Андрей сдвинул вверх мокрый от крови короткий рукав футболки и осмотрел рану. Валере повезло, что нож распорол не бицепсы, а противоположную часть руки выше локтя, а то крови было бы еще больше. Плохо, что могла быть задета кость. В машине оказались чистые тряпки и вода, Андрей промыл и обработал рану, чему научился в армии, благо, что в автомобильной аптечке почти все необходимое было, включая резиновый жгут, которым он перетянул у плеча руку, но все равно показываться Даше, да и Кате в кровавой футболке нельзя было, и он побежал к ним один, положив пистолет рядом с финкой, которой Валера был ранен.

Жен он отыскал в закутке похоронного магазина среди венков. Катя лежала на лавке, положив голову на колени Полины, к которой с другой стороны прислонилась Даша. Лица обеих рожениц были искажены от напряжения, рты были дудочкой открыты. Увидев Андрея, жены испуганно уставились на него, а мать спросила с тревогой:

– А Валера где?

– Объясняется с полицией, скоро придет, – соврал он и перешел в атаку, чтобы их встряхнуть. – Вы что это надумали? Не могли потерпеть до дома.

Тут послышалась сирена. Приехала «Скорая». Из закутка Андрея, естественно, выгнали. Приезд врача к женам его немного успокоил, зато вновь забеспокоила рана Валеры, которую тоже надо показать врачам, но при женах нельзя. Он посоветовался с водителем «Скорой», сидевшим в машине. Тот сказал, что полиция обычно приезжает со «Скорой», а если прибудет без нее, то обязана ее вызвать.

Андрей подошел к углу магазина и увидел подъезжавшие к джипу полицейские легковушку и мини автобус. Вернувшись в магазин, он стал нетерпеливо с щемящим сердцем ожидать, что решат с женами. Вскоре из закутка вынесли на носилках Катю, следом женщина-врач и мать вывели под руки Дашу. Андрей улыбнулся и сделал успокоительный знак рукой жене, а Даше сказал, что Валера и он поедут за ними следом.

Полину не хотели сажать в «Скорую», Андрей подслушал, что она назвалась Катиной мамой, и ее взяли. У врача он выяснил номер и адрес роддома, а у водителя уточнил, что расположен роддом недалеко от кладбища.

На стоянке он застал отъезжавшего адвоката, пожилого мужчину с худым доброжелательным лицом. Услышав, что жен увезли, он нахмурился и замахал рукой в сторону уехавшей «Скорой»:

– Быстро, быстро за ними. Там могут понадобиться деньги, лекарства, мало ли что. Оперу я все изложил, он вас вызовет, когда понадобится. Твоему другу я оставил свой телефон на случай, если возникнут сложности или вопросы по этому делу.

К стоянке Андрей подошел, когда заводили в мини автобус бородатых бандитов, а в машину «Скорой» безбородого, державшего руку у щеки, словно у него болел зуб. «Уж не выбил ли я его?» – подумал Андрей не без удовлетворения.

Валера, показавшийся Андрею бледным, и огромный опер лет сорока в клетчатой рубаше стояли перед джипом.

– Ну и кто мне возместит замену стекла? – спрашивал Валера опера, но увидев Андрея, преклонился на него. – Что там? Как они?

– Увезли обеих на «Скорой». Давай закругляйся, надо ехать к ним. Ты почему до сих пор не показал врачу рану?

– Когда? Давал показания.

– А вы, что, не видели, что он ранен и говорит с трудом? – набросился Андрей на опера. – Выходит, «Скорая» приехала лечить зубы бандиту, чуть не убитому Валерку? Скажите врачу, чтобы она срочно занялась им. Что стоишь? – зашипел он на Валеру. – Иди к врачу. Иди, я сказал.

Валера послушно пошел, на ходу задирая вверх рукав футболки. Медленно тронулся с места вслед за Валерой и опер, глядя сердито исподлобья на Андрея. Зрачки его глаз почти полностью ушли под веки, отчего видны были одни белки с красными прожилками, нижняя губа наполовину прикрыла верхнюю. С таким взглядом работать только палачом, подумал Андрей, но за отсутствием в стране такой официальной должности, самое место в созданной безмозглым премьером полиции. Он понаблюдал, как опер заглянул в дверцу «Скорой», откуда почти сразу вывели бандита с забинтованной щекой, и как туда зашел Валера, Увидев, что опер смотрит на него, Андрей подошел к нему и, не глядя в страшные глаза, проговорил:

– Если вам еще что неясно, я могу прояснить.

– Чем ты сломал ему челюсть? – услышал он неожиданно мягкий голос, заставивший его удивленно заморгать и обернуться.

Не увидев никого, он вернул взгляд на опера и был поражен переменной в его лице: глаза и губы, ставшие нормальными, излучали чуть ли ни ласку. Невольно улыбнувшись, он ответил:

– Ногами, чем еще? Руками выбить челюсть я вряд ли бы смог. Да и пачкать их о него я не стал, разве локоть о горб.

– Работать в полиции нет желания?

Андрей засмеялся.

– Мы с Валерой уже забиты в Донецке. Там он спас меня от убийцы.

– А тут ты его.

Вдруг опер уставился на Андрея и, расширив нормальные глаза, проговорил радостно:

– А ведь это ты в прошлом году поймал на этом кладбище двух воров, за что они тебя чуть не угробили. А потом мажоров наказал. И не отказывайся, это ты. Неужели сынок Амирова тебе свой позор с рук спустил?

Во, блин, все знает, незаметно усмехнулся Андрей. Но не на них же он работает, иначе себя бы не выдал. И про ранение в Донецке не знает. Почему бы и не рассказать?

– Я подозреваю, что в Донецке меня пытались отравить с его подачи. А как докажешь? Опять же и там я в выигрыше оказался: отравитель мой убит, а я жив.

– Боюсь, Амиров от вас обоих не отстанет. Такие вещи он не прощает. Вот что. Если услышишь или почувствуешь угрозу с его стороны или связанную с ним, можешь рассчитывать на меня.

– Спасибо, обязательно воспользуюсь, – искренне поблагодарил Андрей, думая, что и эта помощь вполне может понадобиться. Надо же, и среди полицейских могут встречаться нормальные люди.

К ним подошел Валера с аккуратно забинтованной рукой. Опер протянул обоим по визитке, сказал Андрею:

– Как договорились, чуть что, сразу звони. А тебя, – повернулся он к Валере, – я вызову дня через два – три, когда вы оба придете в себя от радости отцовства. Я уверен, что все будет хорошо. У меня, кстати, трое детей, чего и вам желаю.

Врач поинтересовалась у Валеры, кто обработал ему рану, и похвалила Андрея. Она настаивала везти его в больницу, где должны зашить рану, однако, узнав причину его категоричного отказа, сделала ему уколы в плечо и в зад и велела как можно скорее явиться

в свой травм пункт. По возможности рекомендовала хоть немного полежать и ни в коем случае не вести самому машину. А еще она посоветовала купить по дороге в роддом футболку, а лучше рубашку и подсказала, где. Рассказав про отдых и запрет вести машину, Валера засмеялся, а зря: Андрей заставил его прилечь на заднем сиденье и сам сел за руль.

Не успел он выехать на дорогу, как позвонила мать и поменяла адрес на другой роддом в центре Москвы, куда звонком из министерства здравоохранения «Скорую» заставили ехать, несмотря на возражение врача. Наверняка Любовь Петровна постаралась, сказала мать. По карте поднявшийся Валера выяснил, что расположен новый роддом на Новом Арбате, то есть от кладбища у черта на куличках, и стал подсказывать, как туда быстрее добраться. Хорошо, что названный врачом магазин оказался по дороге, где Валера купил бежевую рубашку, полностью скрывающую повязку. Едва они отъехали от магазина, как опять позвонила Полина и велела ехать в первый роддом, не объяснив причину, однако по ее взволнованному голосу Андрей догадался, что с женами не все хорошо. Валера тоже так понял и разволновался, отчего разболелась рана.

У входа в приемную роддома они увидели Полину в белом халате в компании полной пожилой женщины в синем халате. Полина спустилась к ним, выглядела очень расстроенной, но с улыбкой поздравила, поцеловав Валеру, с рождением дочери и перечислила, что срочно нужно привезти Даше и ребенку. Андрей тоже от души поздравил друга, но ехать домой запретил, так как привезти все могут и его родители. Валера тут же стал звонить домой.

От матери Андрей узнал, что вот-вот должна приехать Любовь Петровна. Это с ее подачи заставили «Скорую» поменять роддом, но минут через десять у Кати начались схватки и другие признаки приближавшихся родов, у Даши началось тоже самое, и врач решила послушаться приказа руководства министерства. И правильно сделала: Дашу едва успели довести до палаты, как начались роды, а у Кати пока еще нет.

– Я чувствую, что у нее что-то не так, но они мне не говорят. Может, скажут ее матери. – Тут мать обернулась на женщину на крыльце, заведующую роддома, и прошептала, что не знает, как быть: ведь она назвалась мамой Кати и призналась в этом Любви Петровне, на что та ответила, что пусть так и думают в роддоме.

Любовь Сергеевна оказалась легкой на помине. Она приехала на незнакомой машине. В больших темных очках и косынкой на голове, она почти подбежала к Полине и Андрею (Валера продолжал звонить в стороне), обняла их и спросила взволнованно:

– Как она? Родила?

– Пока еще нет, – ответила Полина. – А Даша родила девочку.

– Да? А Валера где?

– Вон звонит домой, что привезти.

Взглянуть на Валеру Любви Петровне не дал низкорослый седой мужчина в светло-бежевом халате и с квадратным чемоданчиком в руке. Не удостоив внимания Полину и Андрея, он увел Любовь Петровну вслед за заведующей, но не в приемную, а в обход здания. Отправилась за ними и Полина.

Андрей и Валера стали с нетерпением ожидать вестей о Кате. Неясность с ней заметно омрачала Валерину радость. Через полтора часа приехали его родители и мать Даши Карелия Тихоновна с букетами цветов и большим пакетом, слегка разрядив напряжение. Андрей с трудом уговорил Валеру отвезти родителей домой и обязательно сходить в травмпункт. Карелия Тихоновна осталась с дочерью в палате. После отъезда Валеры, наконец, появилась Полина, но ничего нового не сообщила, и по ее виду, Андрей понял, что она что-то скрывает. От нее он узнал, что Любовь Петровна привезла с собой светила, сразу приступившего к работе. Но самое интересное, Полина по-прежнему считается Катиной мамой.

Приблизительно через полчаса из окошка раздался громкий женский голос:

– Родины тут есть? Сын у вас родился!

Полина поцеловала Андрея и поспешила наверх к Любви Петровне, а он побежал за цветами. На просьбу передать букет Родиной работница, объявившая о рождении его сына, не сразу ответила, что Катя пока не переведена в палату и, увидев его расстроено вопросительное лицо, добавила загадочно:

– Ваша мама, возможно, больше меня знает, в чем задержка.

Он позвонил матери и спросил, что с Катей. Она спустилась к нему, и единственное, что он понял: у Кати не все в порядке. Ее и с ее слов его успокаивало то, что там с Катей лучший гинеколог страны.

Несколько раз звонил Валера, успокаивал, что все будет хорошо, главное, родился сын, он тоже хотел сына, но и дочь сойдет, а сына попробует заделать, используя научные достижения, заставив Андрея улыбнуться.

Неожиданно Андрей увидел у лестничной клетки зовущую его рукой Любовь Петровну. Она молча взяла его за руку и повела к ступенькам. Выглядела она, мягко говоря, неважно, он впервые увидел у нее морщины, когда она на минуту сняла очки. Поднимаясь ступенькой ниже, он передумал обо всем, прежде всего о том, что сейчас увидит Катю, решительно отбрасывая мысль о смерти, но она упорно напоминала о себе и отступила, когда он представил, что увидит сына. Но его фантазия оказалась ничем в сравнении с радостью, которую он испытал при виде крохотного сморщенного личика.

– Твой сын, – сжала его руку Любовь Петровна и добавила дрогнувшим голосом, – и мой внучок.

Она переглянулась с сестрой и повела Андрея к двери. У лестницы она сказала:

– Верить ты в бога или нет – не важно. Скажи ему: «Господи, спаси ее и сохрани». И он должен спасти, ведь она ни в чем перед ним не виновата.

Она смахнула слезу и стала подниматься на третий этаж, а он с помутившимся от внезапно выступивших слез взглядом, держась за перила, стал спускаться в приемную. От Валеры он знал, что Даша родила в тринадцать сорок семь, как только ее ввели в палату. С того времени пошел третий час. У него опять замелькала мысль о смерти, на этот раз беспрепятственно, несмотря на его обращения к Богу: «Господи, спаси ее и помилуй, она же ни в чем перед тобой не провинилась». Но и тут он не то услышал, не то сам вспомнил: «Кого больше люблю, того больше наказываю», где самыми большими любовью и наказанием является взятие в рай, то есть земная смерть. Андрею уже давно хотелось курить, к чему он пристрастился в Донецке, где без этого было невозможно, а вернулся домой и сразу бросил. Он вышел стрельнуть, прекрасно зная, что курить на территории роддома категорически запрещено, а идти в магазин не хотел, чтобы не начать опять курить.

И тут его окликнула мать:

– Сынок, она хочет тебя видеть.

– Любовь Петровна?

– Катя. Она пришла в себя. Ей показали сына, она что-то прошептала, Люба разобрала: «Андрейка где?».

У входа в отдельную палату ему дали халат. Катя лежала с двумя капельницами и трубкой из носа. Ее осунувшееся лицо по цвету мало отличалось от белой подушки. Она спала. Любовь Петровна попросила их остаться здесь и, в случае чего, звонить ей немедленно, а она в двадцать часов должна быть на приеме в Кремле с участием президента. Ее отсутствие обязательно заинтересует прессу и может привести к осаде роддома репортерами российских и зарубежных СМИ, что крайне нежелательно. Здесь лишь привезенный ею профессор, ее личный гинеколог, знает, что Катя ее дочь. Она еще не решила, когда скажет мужу о рождении внука, скорее всего после возвращения Кати домой.

Катя несколько раз просыпалась, и с каждым разом речь ее была все отчетливее, и она даже поговорила с матерью по телефону. Утром ей опять показали не только сына Сережку, но и Дашину Варюху. Во время утреннего обхода приехавший вчерашний светила успокоил мать и Андрея, что кризис миновал, и теперь важно, чтобы больше не было никаких стрессов. Ребенок здоровенький, необходимые лекарства для него и для нее он привезет.

Выписали Катю и Дашу одновременно. Любовь Петровна приехала на такси и уезжала из больницы на Логане со всеми. После праздничного обеда она позвонила мужу и радостно сообщила о рождении его внука Сергея Андреевича. Его реакцию она услышала после длинной паузы:

– Почему Сергей? Это в честь кого? С ней говорить можно? Дай ей трубку.

Любовь Петровна протянула телефон Кате.

– Папуль, здравствуй. У меня сын родился, – похвалилась Катя.

– Поздравляю, дочка. Это он тебя заставил назвать сына Сергеем в честь своего деда?

– Почему в честь только его дедушки? У мамы погибший на фронте дедушка тоже был Сергеем. А еще мы оба очень любим стихи Есенина, которого, если ты не забыл, также звали Сергеем.

– Ну, хорошо. Когда ты мне его покажешь?

– Через месяц, не раньше. Но я пришлю тебе его фото и видео с ним.

– Хорошо. Здоровья тебе и сыну.

– Спасибо, папуль. – Выключив телефон, Катя усмехнулась: – Очень трогательно: «Здоровья тебе и сыну». Спасибо и на этом.

Глава третья

Сразу после рождения сына Андрей ушел в отпуск. Кате нельзя было даже поднимать его, а для него несказанной радостью было носить сына ночью по спальне, уговаривая не будить маму. Сережка получился понятливым, плакал редко, и очень любил, чтобы именно отец носил его и смотрел, не мигая, на него круглыми, как у матери, и голубыми, как у отца, глазами. Зато днем Андрей был свободен и в первый же день отправился в институт. Его фамилия уже где-то была, никаких проблем с зачислением не оказалось, оставалось лишь заплатить в двадцатых числах августа за первое полугодие и получить студенческий билет. Дома, как и положено, отметили это радостное событие, однако через неделю ему позвонили и сообщили, что ему отказано в зачислении, не назвав причину. Он все понял, стал подыскивать другой институт и поехал за документами, их долго не могли найти, а отыскав, поздравили с зачислением на третий курс и вторично велели приехать перед занятиями за студенческим билетом, учебным материалом, не забыв привезти квитанцию за учебу. Подумав, он решил не интересоваться, что там произошло, чтобы не сделать себе хуже, и в дальнейшем попытаться доучиться до диплома без закидонов, как выразился тогда дед, узнав, за что его исключили. Катя его заверила, что ее мать тут ни при чем, скорее всего, политику победила финансовая сторона, а именно, платежи за учебу.

У него наступило счастливое время: ночью удовольствие от Сережки, а днем после сна – от работы с компьютером. К тому же после его отпуска активизировалась предвыборная президентская кампания. Как всегда, хитрил Президент, увиливая от ответа, будет выставлять свою кандидатуру или нет. По телевизору все его умоляли сказать да. Андрею это было смешно, так он прекрасно знал, чем это закончится. Он лишь не знал, будет ли участвовать в выборах председатель компартии Зюганов, который тоже тянул с ответом. Андрей уже был коммунистом, его протеже секретарь московского городского комитета партии Паршин, засчитал

в его кандидатском стаже поездку в Донецк, и, учитывая его ранение, поручал ему в основном наведение порядка в своих документах, показав тем самым, что доверяет ему и возлагает на него определенные надежды. Возможно, во многом причиной особого расположения секретаря к Андрею было то, что еще до Донецка Андрей подарил ему все пять книг дедовой хроники постсоветских времен с Октябрьской революцией в текущем юбилейном 2017 году, где бессменный руководитель компартии был заменен героем хроники.

Из интернета Андрей узнал, что в конце девяностых Паршина едва не привлекли к уголовному делу по статье «Экстремизм» за призыв к новой революции на из митинге 7 ноября. На решение прокуратуры ограничиться лишь предупреждением могло повлиять заявление Зюганова, в котором он осудил призыв Паршина к новой революции и заверил прокуратуру, что компартия не разделяет такую позицию. Однако в просмотренных Андреем документах об этом не было ни слова. Не рассказал об этом Андрею и сам Паршин.

Знакомство с документами компартии лишь закрепило отрицательное мнение Андрея о Зюганове как о предателе интересов коммунистов и народа. Особый интерес у него вызвали документы о его борьбе с московской партийной организацией, самой большой и революционно настроенной. С самого начала создания российской компартии Зюганов был категорически против массовых выступлений коммунистов Москвы против захвативших власть в стране ельцинистов, начиная с августа 1991 года и октября 1993 года, когда решалась судьба России. Победив по всем показателям на выборах 1996 года, Зюганов запретил протесты коммунистов против фальсификации итогов выборов, поздравил Ельцина с победой почти сразу после закрытия избирательных участков, когда ни у кого не было сомнений в его победе. Позднее он трижды разгонял московскую городскую организацию «за неотроцкизм» или за «стремление к быстрой революции», считая это страшным грехом.

Андрею не терпелось вступить с Зюгановым в дебаты, но он понимал, что ему потребуется время, чтобы дорасти до этого и вообще укрепиться в этой жизни. Первоочередной задачей для этого он считал получение высшего образования, без которого чувствовал себя неполноценным.

О своих принципиальных расхождениях с Зюгановым он намеревался поделиться с Паршиным, но его озадачило, каким образом тот в течение семи лет смог удержаться во главе московской парторганизации, в то время как его предшественники менялись чуть ли ни ежегодно. В документах Андрей не нашел ни единого слова Паршина против Зюганова, что и позволило ему не только продержаться секретарем так долго, но и иметь все блага депутата Госдумы, терять которые из-за Андрея он явно не захочет. Но Андрея это не остановило, и он продолжал вести себя так, как давно задумал: попытаться воплотить в жизнь фантазии деда о новой революции в России.

Его внимание привлек Левый Фронт, организовавший опрос со списком десятка кандидатур в президенты от левых сил, где Зюганова даже не было. Андрей случайно наткнулся на этот список и поставил галочку за известного экономиста и публициста Юрия Болдырева, убежденного сторонника социализма. Но того обошел председатель подмосковного колхоза «Ленинский» Павел Грудинин, и вскоре Зюганов предложил его кандидатуру от компартии, хотя тот не был коммунистом. Андрей объяснил это тем, что Зюганов понял, что больше 5—6% сам он не наберет, несмотря на солидную, на взгляд Андрея, предвыборную программу партии. Но народ судил о Зюганове не по программе, а по его делам, превратившим компартию в мирно уживавшуюся с Президентом оппортунистическую партию.

Приняв участие в опросе Левого Фронта, Андрей дал согласие на вступление в это объединение, так как она не была партией, что, по его мнению, не нарушая устав компартии, и с согласия Паршина стал посещать собрания Левого Фронта, тем более что располагался его штаб на одной ветке метро. При знакомстве с руководителем этого движения Сергеем Удаль-

цовым Андрей подарил ему все книги дедовой хроники постсоветских времен с «Октябрем 2017». На заседании Фронта у него сразу возникли вопросы к Удальцову: почему на свои собрания он не приглашает другие партии и объединения левого толка, из-за чего на них присутствовало от силы тридцать человек. Позднее он узнал, что в Москве Левый фронт насчитывал всего 120 членов, а в других городах лишь по несколько человек, иными словами, мизер. Ответ, что «Левый фронт» ни перед кем двери не закрывает, Андрея не удовлетворил. В его представлении это движение должно объединять все партии левого толка, как в хронике деда. Она была написана в 2013 году, но в ней дед сфантазировал, помимо революции 2017 года, также проведение форума Левых сил, организованного компартией. В работе дедова форума приняли участие несколько сот представителей разных партий, группировок и сообществ патриотического толка и ни одного либерала, чтобы не мутили воду. Поэтому Андрей с любопытством ожидал форум Левого Фронта, намеченный на январь 2018 года.

Приближавшийся столетний юбилей Октябрьской Революции особого интереса у него не вызывал, так как он в корне отличался от описанного дедом форума в том смысле, что никаких изменений в России не будет. Однако участие в демонстрации левых сил седьмого ноября в Москве он охотно принял и надолго запомнил. Власть Москвы отказала проведение демонстрации вечером в рабочее время, ссылаясь на пробки. Несмотря на это, на Пушкинской площади собрались более 10 тысяч человек. Оттуда они направились к памятнику Карла Маркса с разрешения мэрии лишь по тротуару, растянувшись почти на всю Тверскую улицу. Под красными знаменами вышли представители компартии, Левого Фронта, Моссовета, Трудовой России, Союза советских офицеров, Российской рабочей партии, многочисленные гости из зарубежных левых партий и организаций. Колонну Левого Фронта возглавлял Сергей Удальцов. По ходу шествия он и участники демонстрации выкрикивали лозунги «Нам нужен новый Октябрь!», «Помним, гордимся, повторим!», «Советы вместо Президента!», «Долой олигархов и царей!», «Революция!», «Социализм!» и другие, и, не переставая, пели революционные песни. Андрей нес флаг Левого Фронта и до хрипоты пел вместе со всеми, глядя торжествующе на многочисленных полицейских, «Смело мы в бой пойдем за власть советов и как один умрем в борьбе за это».

На площади перед Большим театром проходил митинг, на котором выступали представители международного коммунистического движения и российских левых организаций. Они говорили об историческом значении Великой Октябрьской социалистической Революции и что начатое ею дело живет и обязательно победит на всей планете. Российские коммунисты в своих выступлениях делали акцент на требования к руководству страны об улучшении жизни народа, проведении национализации природных ресурсов и стратегических отраслей экономики и другие требования, набившие оскомину от выступлений Зюганова. Его выступление на митинге Андрей не застал и не жалел об этом, так как считал его одним из главных виновников того, что новая социалистическая революция в России не свершилась к столетию Октября.

Среди митингующих продолжали звучать революционные песни, атмосфера была воодушевляющей. Участники демонстрации и митинга сходились во мнении, что для достижения максимальных результатов всем левым силам необходимо укреплять единство и координацию действий. Но его не было даже в этот день. Часть московских коммунистов, несмотря на все усилия по проведению единой акции, провели отдельный митинг возле станции метро «Улица 1905 года», на котором звучали примерно такие же лозунги.

Домой Андрей возвращался полный надежд и разочарований. Надежд оттого, что несмотря ни на что, борьба какая-никакая продолжается, а разочарований, – что в сущности, никакой борьбы нет и пока не предвидится. Последнее было осязательнее, вселяя в Андрея мысли, что он, как и дед, живет несбыточными фантазиями. Он, ладно, только начинает жизнь,

завтра у него все может перемениться, а дед на свои книги потратил последние двадцать лет своей жизни и так ни с чем ушел. Кто о нем, кроме внука, помнит? Ну, прочитали его книги тысяч тридцать – сорок, часть из них, имея в виду его врагов либералов, выругалась уже от первых страниц и переключилась на поиски своих авторов; часть ухмыльнулась наивности автора и ради интереса дочитала до конца или пролистая. Дай бог, если наберется половина читателей, которые возбудятся от прочитанного и всплакнут, вспомнив свою жизнь в советское время, затем горько вздохнут и опять уставятся на экран, где Президент в десятый раз заверяет народ, как хорошо он будет жить через пять лет, а через двадцать еще лучше. И все: никто не вышел на улицу с протестным плакатом, а главное, не вступил в компартию или другую выступающую против нынешнего режима партию. Да и вступать некуда. Компартия давно уже не коммунистическая, а другие партии грызутся по-собачьи между собой.

Поймав себя на таких пессимистичных мыслях, Андрей не сразу нашел, что им противопоставить. Дед хоть писал книги, а он что может сделать? И надо ли что-то делать, зная, что толку от этого не будет никакого. Толк будет, если помириться с Волковым, покаяться за свои к нему упреки, стать с его подачи членом чего-то солидного и собственником одной из его усадеб или вилл и плевать на нищий народ. От одной этой мысли Андрей возненавидел себя. Ответ возник довольно быстро в виде фразы «вода камень точит». Дед написал свою первую политическую статью «Я счастлив, что жил в СССР» в самом начале нового века, когда все советское предавалось анафеме и проклятию. Надо было иметь мужество прорвать этот заслон и предать анафеме существующий строй, назвав его антинародным. Он был поражен шквалом положительных отзывов, в том числе из бывших союзных республик. А сейчас почти всеобщее проклятие перенаправлено на существующий капиталистический строй и повсюду слышно желание народу вернуть социализм. Конечно это не дедова заслуга, но его часть в ней безусловно есть. Вот и Андрей не представлял свою дальнейшую жизнь без активного участия в борьбе за улучшение жизни народа.

Форум Левого Фронта состоялся в феврале 2018 года. Ничего подобного с фантазией деда Андрей на нем не увидел. Если в работе дедова форума левых сил приняли участие шестьсот двадцать представителей пятидесяти трех партий, группировок и сообществ патриотического толка, на форуме Сергея Удальцова присутствовало по прикидке Андрея от силы сто пятьдесят человек, практически весь состав Левого Фронта и лишь пятеро представителей от других организаций: от компартии, включая его, и еще кто-то, причем один из них был либералом, судя по баламутному выступлению. Перед закрытием форум посетил кандидат в президенты от левых и патриотических сил Павел Грудинин. Он пообещал в случае победы выполнить все наказания, полученные им от Левого Фронта, которые включены в его программу. «Поэтому мы с вами одной крови!», – заверил он присутствующих.

Однако Андрей уже знал, что по некоторым вопросам у него с Грудининым разная кровь, но не под влиянием СМИ, обрушивших на кандидата Грудинина весь арсенал помоев. Как только они над ним не изгалялись! Весь интернет кишел фейками: и что он кандидат, за которого краснеют, и что у него за границей миллиардные счета, и что у него несколько внебрачных детей, и что аморальнее его во всех смыслах никогда не было в президентских гонках. Но не на это обратил внимание Андрей при ознакомлении с биографией и с кандидатскими высказываниями Грудинина. Из биографии он вынес, что Грудинин никогда не был коммунистом, а вот членом Единой России был 11 лет и однажды даже доверенным лицом Президента. До президентских выборов он несколько раз баллотировался от компартии по Московской области, так и не вступив в нее. Андрей только что стал коммунистом, но сразу определил, что Грудинин для него и для деда был не совсем свой. Ему не понравилось многое из услышанных и прочитанных высказываний Грудинина.

Но оттолкнул он от себя Андрея своим высказыванием, что Россия не должна помогать жителям ЛНР и ДНР, так как они сами в силах разобраться в конфликте с Киевом. По мнению Андрея, Грудинин не учитывал, что Украине активно всеми способами, включая военную, помогали Вашингтон и весь Запад. А еще он не понимал, что Россия делает в Сирии, и считал, что надо выводить оттуда российских военных, не учитывая огромную опасность для России последствия победы игиловцев в Сирии. Немало было и других ляпов Грудинина, отчего Андрея не очень расстроило его поражение на выборах.

Его больше расстроило, что Президент оставил Волкова на посту премьер-министра, и он, как мог, пытался не показать это Кате и Любове Петровне. Но и поздравить их у него не хватило сил, не говоря про самого счастливицу. С того первого и последнего раза они больше так и не встречались. Если премьера Андрей мог лицезреть почти ежедневно на экране телевизора, тотчас переключая канал или закрывая глаза, чтобы скрыть свое недовольство от жены или тещи, то премьер наверняка видел его в последний раз на экране телевизора на похоронах в Донецке, больше года назад.

За что его так бог наказал, подсунув ему не нормального, как у людей, тестя, а такого премьера, за которого перед всеми стыдно, и приходилось это скрывать даже от Валеры.

Глава четвертая

Валера узнал о том, кто отец Кати, случайно. На детских фотографиях Даши было много ее фотографий с Катей и почему-то нигде с ее матерью, не говоря про отца. На это уже после обратил внимание Валера и понял, почему. Если, кто еще и был на фотографиях, то в основном одноклассники, ну и его теща. И вдруг он увидел на фотографии выпускного вечера знакомое лицо парня. Парень, явно не выпускник, намного старше, стоял в стороне и смотрел на радостных девушек в длинных белых платьях. Память Валеры не была перегружена, в основном в ней были клиенты автосервиса. Не найдя среди них парня, он стал вспоминать, где был в последнее время. Стоило ему лишь подумать о Донецке, как он стукнул себя по лбу: «Корреспондент! Наверное, послан написать о выпускниках». Вот только Валеру смутило, что в руках у парня не было ни фотоаппарата, ни других журналистских причиндалов, как тогда в больничной палате, да и девчонки смотрели на него не как на чужого: Даша с не понравившейся Валере улыбкой, а Катя – напротив, хмуро, явно недовольно. Дождавшись, когда в комнату вошла Даша, Валера спросил прямо:

– Кто это?

Даша бросила беглый взгляд на фотографию и заметно растерялась. В возникшей паузе Валера успел подумать: если бы парень был ей незнаком, она бы попыталась его внимательно рассмотреть и не растерялась бы. Он повторил вопрос.

– А, это Артур, – махнула рукой Даша. – Пытался ухаживать за Катей.

В мозгах Валеры бешено завертелись колеса памяти и выдали: «Иванов Иван.. нет, Сергей Иванович.

– Кем он работает?

– Кем-то у Катиного отца, – вырвалось у Даши, заставив прикрыть рукой рот и отчего совсем растеряться.

Валера всем нутром почувствовал, что тут что-то не так, и ночью, под честное слово, что никому не скажет, заставил Дашу выдать, кто на самом деле Катин отец. После женитьбы Валера дал зарок, не ругаться матом, а тут не сдержался и от души вслух выразил свое удивление и недовольство. Но Даше было не до этого: она думала, как загладить свое предательство перед Катей. А Валере, напротив, захотелось срочно переговорить с Андреем о своем подозрении, что поездка Артура каким-то образом была связана с отцом Кати (о том, что премьер недоволен зятем и жаждет их развода, Даша тоже выдала).

Разговор друзей произошел на следующий день вечером. Чтобы не выдать Дашу, Валера рассказал, что случайно увидел на одной из ее фотографий корреспондента, приходившего с бандитом в палату, но почему-то он оказался Артуром, а не Ивановым Сергеем. Валера не ожидал, что даже такая обкуржуженная новость так подействует на Андрея. Он побледнел и проговорил сквозь зубы:

– Это он, козел, послал их меня убить.

– Ты узнал, кем он работает? – небрежно поинтересовался Валера.

– Премьер министром, понял? – зло проговорил Андрей. – Повезло мне, с тестем, такое говно, что дальше некуда. Правильно, что деда его люто ненавидел. И я также ненавижу. Значит, все-таки решил, блин, прикончить меня.

– Ни хрена себе, премьер министр, – сделал удивленное лицо Валера, думая о том, что Даше не надо будет извиняться перед Катей. – Повезло тебе, Андрюха. Зато Любовь Петровна – прелесть. И тебя жуть, как любит. Так что, перевес на нашей стороне.

– Если не учитывать, что у него власть. Расскажу Катюхе об этом, она с ума сойдет. Нет, надо, чтобы она не узнала. Даше прикажи, чтобы про фотографию не проговорилась.

– Даша сказала, что этот Артур ухаживал за Катей. Может, он сам организовал поездку с киллером в Донецк, – неуверенно предположил Валера. – И тесть твой тут ни причем.

– Ага, и сам этот Артур заставил газету выписать ему удостоверение корреспондента и подтвердить это после провала. Без премьера он бы это вряд ли провернул. Попробую я прощупать этого Артура.

– Не ты, а я, – поправил Валера. – Ты его не видел, а я, он знает, его видел и запомнил.

– Тогда я буду в маске. Один ты не справишься.

– А с другой стороны, что нам это даст? – задумчиво проговорил Валера. – Ну, прижмем мы его, и он сознается, сто шеф послал его в Донецк тебя убить. Ты пойдешь к премьеру и скажешь ему, что он сволочь, так что ли?

Андрей удивленно посмотрел на друга и восхитился им:

– Умный ты. А я бы так и сделал тайком от Катюхи и Любви Петровны. Только обозвал бы его чем-нибудь покрепче. А в пылу мог бы и на. уй послать.

– И чего ты добился бы этим? Нет, тут надо что-то другое придумать. Но сказать ему, что ты знаешь о его намерении тебя прикончить, надо. И пригрозить рассказать об этом жене и дочери. А вот, как это сделать, думай.

Время шло, а Андрею ничего в голову не приходило. Между тем этот вопрос решился без него. Во время одной из встреч Волкова с Президентом тот вдруг поинтересовался, как дела у Кати: где учится, есть ли у нее жених. Волков растерялся и не сразу ответил:

– Учится на втором курсе МГИМО. И представляешь, сдуру вышла замуж и даже уже успела родить.

Маленькие с потускневшей голубизной глаза Президента расширились:

– Ты так об этом говоришь, словно недоволен. Радоваться надо, что стал дедом. Кто родился?

– Мальчишка.

– Тем более. Сколько ему уже?

Волков попытался вспомнить, когда Катя родила, сразу не смог и ответил неуверенно:

– Месяцев девять.

– Не понял, – удивился Президент. – Ты даже не знаешь, когда родила дочь. Чем ты недоволен?

Волков придавил зубами нижнюю губу и прошипел, сдерживая мат:

– Всем. И ты был бы недоволен, если бы твоим зятем оказался твой кровный враг.

– Даже кровный? А ну, рассказывай.

Волков рассказал о критике его премьерской деятельности Андреем, закончив словами:

– Представляешь, явился в дом родителей невесты и такое устроил. И ты бы его выгнал.

– А как отреагировали Люба и Катя? Они присутствовали при этом?

– Подслушивали за дверью. Он же разошелся, как на трибуне. Шпарил из книг своего коммуниста деда наизусть без запинки и свое еще хлеще. А они что? Они от него без ума: красивый, умный, говорит – заслушаешься. А то, что я обосран, им на это им наплевать, читали в интернете обо мне и не такое. Катька в то же вечер с ним убежала, и больше я ее не видел. А Люба после рождения чуть ли ни насовсем переехала к ним на окраину в малогабаритную трешку. Представляешь, что там творится после рождения?

– Я не понял. Катю ты не видел после ее ухода, а внука ты хоть видел?

– Только на фото и видео в айфоне.

На это раз Президент не только расширил глаза, но и открыл тоже маленький рот:

– Ты с ума сошел! Подумаешь, ему не понравился зять. А мне мои зятя, думаешь, нравятся? Это их жизнь. И не нам ее менять. Помогать – да, подсказывать, но не идти вразрез, как делаешь ты. У зятя твоего свой путь, который тебе не нравится, ну и что? Портить из-за этого жизнь дочери, извини, не по – родительски. Твоя деятельность, ты хорошо знаешь, не нравится многим, и тебе всех их ненавидеть? – Президент нахмурил белесые брови и возмущенно потрянул головой. – Не знать, когда родился внук и почти год ни разу не полюбоваться им – это надо уметь. Ну, ты даешь! А кто-нибудь знает, за кого она вышла? Вроде в прессе никакого шума по этому поводу не было.

– Я сам удивляюсь, как ей дается держать все в тайне. Она сразу поменяла мою фамилию на его. Теперь она не Волкова, а Родина и гордится, увязывая с родиной Люба уверена, что даже его мать не знает, чья она жена и чья Катька дочь.

– Надеюсь, ты понимаешь, что вечно это продолжаться не может. Представляешь, какой интерес вызовет в прессе ваша вражда и как она может повлиять на наши с тобой планы? Давай заканчивай с семейной враждой. Да и мало, что может случиться в стране. Народ взбунтуется, и тебе не только Президентом, но и Председателем Совета Федерации и Госдумы не быть, а зять твой, чем черт ни шутит, может обогнать тебя, и останешься ты на бобах. Если ты им сейчас не очень нужен, то тогда тем более, разве что из жалости будут поддерживать с тобой связь. Но внук точно не будет. Как хочешь, а миришь с зятем.

А я хотел попросить его помочь убрать зятя, мелькнуло у премьера. Хорошо, что не успел. Я ему сейчас подкину его новогоднее обращение, посмотрю, как он запоет.

Волков достал из папки скрепленные листы с текстом обращения и протянул Президенту:

– Вот почитай на досуге, что распространяет в интернете мой зять, и я посмотрю, что ты запоешь.

Президент взял листы и, прочитав вслух: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры... К вам обращаюсь я, друзья мои!», – криво усмехнулся:

– Занятно. Сейчас мне некогда. Вечером почитаю и позвоню тебе.

Но не позвонил он ни вечером и ни в следующие дни. Волков прокрутил в уме все варианты: не было времени почитать, прочитал и бросил в огонь камина, прочитал и дал указание очистить интернет от обращения, оставил обращение у себя на всякий случай. Но в любом случае мог бы позвонить, возмущался премьер.

Лишь через неделю после очередного совещания по осточертевшим нацпроектам Президент заговорил о зяте.

– Ты знаешь, Люба и Катя оказались правы в оценке твоего зятя. Я понимаю, что не он написал обращение, но дать ему ход и направить мне перед выборами не каждый решится, что говорит о его серьезных намерениях в жизни. Мне дали полную объективку о нем, его деде и отце. Он оказался достойным их обоих. То, что он ездил в Донецк, это у него от отца, и вызывает только уважение. И особо нельзя его осуждать за то, что воспринял взгляды на жизнь

дедовы, а не наши, и я думаю, переубедить его будет трудно, но можно отвлечь, подумать над чем я дал указание.

– Что ты имеешь в виду?

– Предложить ему, к примеру, работу в ГРУ, где ему будет не до политики и компартии. Это все только с учетом того, что он твой зять. Для других мы используем другие методы. У тебя нет возражений?

У заслушавшегося Волкова вырвалось:

– Во всяком случае, этот вариант лучше, чем прикончить его.

Холеное лицо Президента приняло злое выражение, и он несколько раз стукнул по столу кулаком.

– Не смей даже думать об этом! Во всяком случае, пока ты премьер. Даже если ты не будешь причастен к этому, все равно на тебя повесят. Вот тогда ты точно будешь проклят навечно. В Донецке тебе повезло, что он остался жив и не захотел выносить этот сор из избы на публику. А мог подложить тебе свинью, от которой ты не отмылся бы. Теперь моли бога, чтобы твой помощник и Амиров не выдали тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.